

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НОВОСИБИРСКА 1920-х ГОДОВ

ОБЩЕСТВА

П.Д. Муратов

Предлагаемая статья есть часть исследования «Художественная жизнь Новосибирска 20 века», находящегося в настоящее время в стадии разработки. В нем будут рассмотрены организационные формы профессионального и самодеятельного искусства, живопись, графика, скульптура во взаимодействии, музейное дело Новосибирска и области, художественное образование на протяжении ста лет. В данном случае взят небольшой хронологический отрезок второй половины 1920-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «*НОВАЯ СИБИРЬ*» (ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО), *АХРР* (АССОЦИАЦИЯ ХУДОЖНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ), *ВЫСТАВКА* (ВСЕ-СИБИРСКАЯ ВЫСТАВКА 1927 г.), *СЪЕЗД* (ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ХУДОЖНИКОВ СИБИРИ 1927 г.), *МУЗЕЙ*.

The article is the part of the research on artistic life of Novosibirsk in the 20th century. This research is concerned with organizational forms of professional and amateur art, painting, graphics, sculpture in their interaction, museums in Novosibirsk and Novosibirsk district, artistic education during one hundred years. In this case the small chronological period is looked at.

KEY WORDS: NEW SIBERIA (ARTISTIC SOCIETY), AARR (ASSOCIATION OF THE ARTISTS OF REVOLUTIONARY RUSSIA), EXHIBITION (ALL-SIBERIAN EXHIBITION IN 1927), CONGRESS (FIRST CONGRESS OF SIBERIAN ARTISTS IN 1927).

Художественных обществ в Новосибирске 1920-х годов было всего два: «Новая Сибирь» и Ассоциация художников революционной России (АХРР). Новосибирский филиал АХРР и Общество художников «Новая Сибирь» родились практически одновременно. У них разные поводы к объединению и разные точки опоры, глубинные же мотивы – преодоление гибельной разобщенности художников Сибири – едины. 2 января 1926 года группа Воцакина (А.В. Воцакин, В.Н. Гуляев, А.П. Лекаренко, С.Н. Липин, В.М. Макаров, Н.Н. Нагорская, Н.А. Надольская, А.Н. Никулин, П.П. Подосенов, Полежаев, К.Г. Поляшев, Ю.М. Попова, В.И. Ромов) провела собрание художников Новосибирска для юридического оформ-

ления Общества «Новая Сибирь». Собрание создало комиссию в составе Воцакина, Гуляева, Подосенова для разработки устава и декларации Общества. К концу месяца устав, декларация, положение о филиалах уже были сданы для утверждения в Сибирский административный отдел. И тогда же, в январе 1926-го, Московская АХРР утвердила в качестве филиала группу Иванова. [1].

Новосибирская АХРР не имела нужды составлять документы, очерчивающие поле ее деятельности. Она пользовалась готовыми, присланными из Москвы. Декларацию, устав, положение о филиалах группа Иванова получила вместе с уведомлением о регистрации.

Общий тон деклараций АХРР и «Новой Сибири» един. Как в одной, так и в другой

провозглашены преданность революции, работа с массами и для масс, реализм как метод художественного творчества. Единство тона документов создавало иллюзию тождества намерений и наводило на мысль о дублировании творческих организаций, о чем в 1920-х годах говорилось не раз. Вникая в конкретные тезисы деклараций, нетрудно заметить и явное несходство между ними. «Новая Сибирь» декларировала: «...подлинный советский художник должен в первую очередь искать для нового содержания новую форму» [2], что по понятиям АХРР непременно ведет к формализму, так как содержание, с их точки зрения, само автоматически создает себе форму; «он должен использовать необъятные богатства культурного наследия всего человечества» [3], то есть формироваться на основе широко понимаемых традиций, не только передвижнических; «изучать, использовать искусство туземных народностей» [4], а это применительно к Сибири означало и продолжение художественного краеведения, каким оно сложилось еще до революции, и поддержку алтайцев, бурят, хакасов... в их стремлении к творчеству, и обогащение европейской стилистики русских художников азиатским элементом. АХРР в своей декларации обещала средствами «героического реализма» «запечатлеть величайший момент истории в его революционном порыве» [5], подчеркивала основополагающую роль сюжетно-тематического содержания в искусстве, совмещая героику истории со стилистикой героического образа. Не слишком далеко отходя от истины, можно сказать: позиция АХРР – позиция общественных деятелей, позиция «Новой Сибири» – позиция художников, стремящихся внести свой вклад в художественную культуру России.

Практическая деятельность художественных групп тоже при явном сходстве стремлений создавать произведения и устраивать выставки имела различия. Вступление Иванова и его товарищей в ряды всероссий-

ской ассоциации с центром в Москве потянуло и их в Москву на представительные выставки АХРР, туда, где делалась художественная политика страны, причастными к которой становились и члены филиалов ассоциации. На весну 1926 года как раз планировалась грандиозная Восьмая выставка АХРР «Жизнь и быт народов СССР», о подготовке которой новосибирцы узнали еще полгода назад от Котова. Утверждение группы Иванова в качестве филиала АХРР теперь обязало ее принять в ней участие. Иванову его соратники собрали деньги на дорогу, упаковали приготовленные картины в багаж; Иванов уехал вливаться в ряды творческой организации, получившей от Совета Народных Комиссаров СССР «права деятельности и открытия отделений на всей территории СССР».

В Москве, в АХРР, тогда насчитывалось до десятка недавних сибиряков. Иванова приняли хорошо. 27 апреля на заседании Президиума ассоциации Иванов выступил с докладом. В нем он обрисовал историю возникновения Новосибирского филиала, рассказал о его деятельности, о планах дальнейшей работы. Президиум долго аплодировал Иванову, приветствуя его эмоциональный доклад и его самого как представителя Сибири. При обсуждении доклада члены Президиума постановили создать в Новосибирске краевой центр АХРР, рекомендовали филиалу установить тесную связь с партийными и профсоюзными организациями Сибири, с рабочими корреспондентами газет. Иванов мог чувствовать себя именинником. Однако в состав выставки привезенные Ивановым картины не включили. Иванову порекомендовали оставить картины в АХРР для использования их в подходящий момент. Подходящий момент не наступил, картины в Москве потерялись. Вряд ли все произведения живописи, графики, скульптуры, составлявшие выставку «Жизнь и быт народов СССР», были много лучше того, что предлагали новосибирцы. Просто и без них было

на что посмотреть. Сибирь и без них была представлена на выставке переселившимися в Москву сибиряками, Котовым, например. Он показал на выставке двадцать написанных по алтайским мотивам произведений. От тех, кто продолжал жить в Сибири, на выставку прошли только давно заслуживший художественный авторитет алтаец Г.И. Гуркин и тремя этюдами томич Н.Ф. Смолин. Надежда Иванова на материальную помощь холстами, красками, кистями тоже не оправдалась. Отказа не было и помощи не было. Филиалов АХРР к весне 1926 года образовалось более тридцати, все просили помощи, а москвичи и сами нуждались в холстах и в красках на протяжении всего периода двадцатых годов.

Правление «Новой Сибири» направилось прямо в противоположную сторону. Устав Общества Сибирским краевым административным отделом зарегистрирован 5 августа 1926 года [6], но временное правление с января начало рассылать по городам Сибири нечто вроде бюллетеня, уведомляя художников о создании Общества, о планах совместной работы. Бюллетень печатала на музейной пишущей машинке Нагорская. С февраля начались и поездки организаторов «Новой Сибири» по городам обширного края. Первым поехал П.П. Подосенов. Он съездил в родной ему Томск, где, кажется, не был с 1923 года, овеял живших там художников романтическими планами грядущей творческой деятельности в Сибири, чем вызвал неудовольствие не желавших конкуренции филиалов АХРР и в Томске, и в Новосибирске. Председатель томского филиала АХРР Н.Ф. Смолин публично заявил: «Нужна ли нам еще другая группировка в Сибири, кроме АХРР...» [7].

Не вошедшие в Томский филиал АХРР живописцы и графики «сибирских Афин» не раздумывая примкнули к Обществу.

Соединяя экспедиционную собирательскую работу краеведческого музея с обязанностями секретаря «Новой Сибири» летом

поехала в Барнаул, в Бийск и далее к старобрядцам Верхнего Уймона Нагорская. Города Алтая уже опустели. Процветавшие иконописные мастерские Бийска исчезли. Наполовину растворился в неизвестности бесхозный музей живописной культуры – недавняя гордость Барнаула. Остатки музея Нагорская пыталась переместить в новосибирский краеведческий или в омский, где уже разрастался художественный отдел, однако не смогла преодолеть вязкую бюрократическую инертность. От прежних разнообразных и деятельных групп художников Барнаула и Бийска остались считанные единицы: А.Н. Борисов, Д.И. Кузнецов, А.В. Худяшев... Весь Алтай теперь символизировался именами Гуркина и Чевалкова.

Воцакин (возможно, вместе с другом Лекаренко) взял на себя организационную работу в Красноярске и Минусинске. В Красноярске жили его родители, братья, сестра, однокашники по художественной школе и их общий учитель Д.И. Каратанов. Красноярцы и в Новосибирске составляли инициативное окружение Воцакина. Здесь агитировать никого не приходилось, надо было договариваться только о конкретных организационных делах. В Минусинске, в Хакасии, происходило примерно то же самое, что и в Красноярске. Друзья и родственники здесь отсутствовали, легче совмещались миссионерские задачи художника и работа над этюдами к задуманным картинам. В Минусинске он встретился с даровитейшим самоучкой графиком А.Г. Заковряшиным и его соратником живописцем, бухгалтером по профессии, А.П. Моисеенко. Ради пополнения Общества только названными двумя стоило ехать в хакасскую даль. Кроме того было и другое. Учителя красноярских и минусинских школ, узнав о готовящейся выставке, запланировали поездку с учениками в Новосибирск. Все-сибирская выставка им представлялась событием большого культурного значения, в чем они, конечно же, не ошибались, при-

общить к нему учеников они посчитали своим долгом. При таком отношении к искусству неведомых миру сибирских учителей организаторам «Новой Сибири» оставалось только идти до конца в избранном направлении.

Обретение единомышленников сопровождалось обсуждением планов работы Общества на ближайшее время. Планы просты и кажутся легко выполнимыми: надо собрать в Новосибирске Всесибирскую выставку, чтобы увидеть состояние искусства в крае на данное время, и провести съезд художников, который утвердит устав и декларацию Общества, изберет его правление (избранное в январе считалось временным) и разработает стратегию художественной жизни Сибири. До открытия в Новосибирске выставки и съезда в городах Сибири от Омска до Иркутска следовало провести собрания местных художников, выбрать на собраниях представителей на съезд по одному от каждой художественной группировки, если таковые в городе существуют, избранным на собраниях же выставочным комитетам вменить в обязанность отбор художественных произведений на выставку и найти способы доставки их в нужное время в Новосибирск. При отсутствии у Общества иных средств, кроме членских взносов по 50 копеек в месяц с человека, при неясных видах на помещение, где могла бы разместиться представительная художественная выставка, простые планы становились очень сложными. Намечаемые сроки сбора и открытия Всесибирской выставки скользили по календарю 1926 года от майских праздников до новогодних. При очередном переносе сроков не было уверенности в том, что этот перенос последний.

Пока созревали условия проведения выставки и съезда, Воцакин затевал то производственную выставку с демонстрацией инструментов и материалов графики, живописи, разных состояний работы и разного ее назначения: этюдов, эскизов, пробных отпечатков гравюр и вариантов графики для

печати в периодических изданиях – пусть зрители знают как работает художник, – то организовывал вечер памяти В.И. Сурикова с приглашением из Красноярска на собранные вскладчину деньги краеведа М.В. Красноженовой, хорошо знавшей жизнь Суриковых и условия создания его картин, таких как «Покорение Сибири», «Взятие снежного городка». Ивакин на специально купленной рогоже написал большие фрагменты картин («Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове», «Боярыня Морозова»), устроил на сцене театрализованное присутствие суриковского наследия, чем вызвал всеобщее одобрение. Нагорская «сухой кистью» на белом холсте в контраст утяжеленности копий Ивакина выполнила портрет Сурикова. Она же выступила с докладом о творчестве художника. Красноженова по слайдам и дореволюционным фотографиям рассказала о жизни Сурикова в Красноярске. Вечер завершился концертом, закрепившим праздничное настроение слушателей. Не всем собравшимся на вечер заранее было известно, что Суриков был незаурядным гитаристом, способным играть на гитаре и слушать гитару до бесконечности, что Париж для него сосредоточен не только в Лувре, но и в храме Нотр Дам де Пари с его великолепным органом.

Вслед за «Новой Сибирью» и новосибирская АХРР решила провести художественный вечер. В составе филиала были супруги Русиновы. Они окончили Омский художественно-промышленный техникум имени М.А. Врубеля. Памяти Врубеля и решено было посвятить вечер и провести его силами филиала.

Не известно, был ли вечер проведен. Отчетов о нем нет. Будем считать, что проведен, потому что АХРР старалась не упустить возможности проявить себя тем или иным способом. И тогда мы неизбежно удивимся. Ведь при любой трактовке творчества Врубеля нельзя пройти в нем мимо темы Демона, мимо его эскизов росписей киевских церквей, таких как «Надгробный

плач», «Сошествие Святого Духа». На вечере памяти не может прозвучать сокрушительная критика поэтического мистицизма Врубеля, составляющего душу свойственного художнику символизма. Сочувственное рассмотрение репродукций картин «Фауст», «К ночи», «Пан», «Царевна-Лебедь», «Принцесса Греза» способно отодвинуть злобу дня, агитационные картины АХРР, трудолюбиво выполняемые ими портреты рабфаковиков и рабфаковцев очень и очень далеко. Вот если бы вознесенному над бытовыми проблемами Врубелю поклонилась «Новая Сибирь», Сурикову и его народным эпопеям АХРР, созданный публицистикой образ той и другой творческой организации реальными деяниями их только бы подтвердился. Но в том-то и дело, что в действительности все произошло как раз наоборот. Конечно, включиться в систему живописи Врубеля ни АХРР, у которой по декларации сюда хода нет, ни «Новая Сибирь» с ее безграничными горизонтами художественного наследия не могли. Слишком своеобразна система. Вечер памяти Врубеля даже на стадии одного только планирования его обнаруживает многозначный смысл. Он подводит к мысли о том, что политизация искусства по всей видимости принимаемая художниками новосибирской АХРР с энтузиазмом – не даром Иванову аплодировали в Москве – на самом деле оказывалась шубой с чужого плеча, от которой нет возможности освободиться, но которая временами распахивается, обнаруживая светский костюм и галстук бабочкой.

Если описывать деятельность новосибирской АХРР, не дополняя ее сведениями об АХРР в целом, описание выйдет очень скромным. Их ведь было всего десять человек со средними дарованиями, постоянно занятых заботой о хлебе насущном. Они делали что могли, надеясь при этом на одобрение и поддержку Московской АХРР. Московская поддержка приняла форму почти исключительно теоретическую и, как мы видели на примере поездки Ивано-

ва в Москву, больше походила на обещание поддержки, чем на поддержку как таковую. Затмеваемые всесибирским размахом деятельности «Новой Сибири», у себя дома они успеха не имели. Они начали ходатайство перед Сибирским отделом народного образования (СибОНО), предлагая открыть в Новосибирске Центральную художественную студию с дальнейшим развитием ее до художественного училища. В СибОНО ответили: несвоевременно. Взамен финансируемой студии с оплатой труда преподавателя им предложили проводить бескорыстные консультации по художественной работе в городских рабочих клубах. «Новая Сибирь» водила дружбу с писателями, с журналистами. Собрания она проводила в редакции газеты «Советская Сибирь», там же при случае открывала выставки. АХРР, стремясь к «пролетарским» слоям жителей Новосибирска, получала на короткое время, на день-два, помещения в клубах города или в казармах военного городка, к художественным программам не приспособленных. Утром они вешали картины на указанные стены, вечером их снимали. Понятно, результативность подобных выставок при их скороспелости и скоротечности, как ее потом ни описывай в отчетах, невелика.

По принятому в АХРР обычаю члены АХРР имели право участвовать в выставках или в каких-либо иных мероприятиях других творческих объединений только как члены АХРР. Неслиянность их с другими деятелями искусства, их особость постоянно подчеркивалась. В Сибири этот обычай вел к противостоянию малочисленных городских групп художников, к своего рода партийной борьбе, иногда заканчивавшейся плачевно для всех участников противостояния. «Новая Сибирь», имея целью объединение художников вне зависимости от их пристрастий, приглашала под свои знамена всех любящих искусство сибиряков. Ее собрания проходили открытыми. Трудоемкость осуществления планов, рассчитанных на то,

чтобы всколыхнуть всю художественную Сибирь, требовала расширения круга организаторов и рядовых работников, поэтому 3 ноября 1926 года группой Воцакина было созвано специальное общегородское собрание художников. Приглашены были все члены АХРР и те, кто не входил ни в какие объединения. К тому времени уже были напечатаны в виде памятных книжечек членские билеты, в которых помещены Устав «Новой Сибири», ее декларация, выписка из протокола организационного собрания 2 января 1926 года, список членов-учредителей. Вчерне уже был готов каталог Всесибирской выставки, составленный по присланным из городов спискам. После необходимых предварительных объяснений сути дела собрание избрало комиссию для подготовки Всесибирской выставки и съезда. От «Новой Сибири» в комиссию вошли Воцакин, Подосенов, Нагорская, от АХРР – Иванов, Надольский, Русинов, от внегрупповых художников – Поляшов. В комиссию, как видим, на равных правах вошли полностью правление «Новой Сибири» и правление АХРР. Открытие выставки собрание наметило на конец декабря. Раньше не получалось из-за съезда сибирских ученых, из-за краевого совещания по просвещению. Учитывалось и наступление зимних школьных каникул. Многие художники Сибири работали учителями, приехать в Новосибирск они могли только в каникулярное время. Комиссии предстояло срочно найти две тысячи рублей, по тем временам деньги немалые, завершить организационные дела, к числу которых относились печатание афиш-листовок, мандатов для делегатов съезда и подготовка основных выступлений на съезде. «Новая Сибирь» предложила на собрании убедительную программу общего дела и обнародовала далеко продвинутый за девять месяцев работы процесс объединения разобщенных художников Сибири. Группе Иванова ничего иного не оставалось делать, как только присоединиться к труппам

группы Воцакина. Речи о присоединении проходили в присутствии журналистов. Появились соответствующие публикации в газетах Новосибирска. Московская АХРР следила за печатью в России. Обласканный москвичами Иванов кончил карьеру члена АХРР как «изменщик коварный». Через месяц после помянутого собрания новосибирская АХРР постановила самоликвидироваться и целиком войти в состав «Новой Сибири», чтобы не распылять и без того невеликие силы местных художников. Решение было оформлено юридически – случай, кажется, единственный за всю историю АХРР. В Новосибирске осталась одна художественная группировка. Одна, зато поддерживаемая всей Сибирью.

Первую половину программы – обеспечение выставки помещением – комиссия решила домашним, так сказать, способом. Нагорская уговорила сотрудников краеведческого музея, в число которых входила и она сама, всех разом взять с 1 января 1927 года двухнедельный отпуск, экспозицию музея на первом этаже разобрать, экспонаты переместить в фонды. На освободившихся местах развернется выставка. И сотрудники музея с Нагорской согласились, хотя морозный январь не самое лучшее время для отпуска, единственного в году. Официальное оформление в СибОНО самоотверженного поступка работников музея затруднений не вызвало. Выставочные залы найдены, осталось получить картины из близких и далеких городов Сибири.

Деньги на проведение выставки и съезда, хотя и недостаточные (800 рублей при потребности в 2000), выделил Крайисполком. Предстояло добирать недостающее. И тут пришли на выручку писатели.

Летом, когда Нагорская путешествовала по Алтаю, ее попутчиком некоторое время был В.Я. Зазубрин. Они весело ехали на телеге от Бийска к Улале, распевая на два голоса сочиненные Нагорской частушки.

С милым в голубой Алтай
Ехала давно ли я?
Разлучила нас с тобой
Желтая Монголия.

На Алтае они разошлись каждый в свою сторону: путь Нагорской лежал в Верхний Уймон, Зазубрин отправился в Монголию.

К декабрю краеведческий музей подготовил большую отчетную после летних сборов выставку. Часть ее составляла коллекция одежды, утвари старообрядцев, зарисовок их домов с резными наличниками, крыльцами, коньками на крыше, привезенные с Алтая Нагорской, часть – этнографические сборы в промышленном Тельбесе. Тут же демонстрировалась и собранная Зазубриным за четыре месяца пребывания в Монголии коллекция амулетов, скульптуры малых форм. Союз сибирских писателей организовал платное выступление Зазубрина в Большом зале Дома Ленина с очерками «Новая Монголия», весь сбор от которого пошел на нужды художников.

Вторая половина программы – организация съезда – решалась при участии партийных работников, что, конечно, было неизбежно при сложившейся к середине двадцатых годов системе общественных отношений. Список членов-учредителей «Новой Сибири» открывает не имя художника, вместе с другими готовившего учреждение Общества, но историка партии РСДРП(б) – ВКП(б), авторитетного в те годы большевика В.Д. Вегмана, а съезд художников является вторым этапом учреждения Общества. Лично Вегман в работе съезда не участвовал, его имени в протоколах съезда нет, вероятно, не участвовал он и в подготовительной к нему работе. На данном этапе его заменил заведующий Сибполитпросветом А.А. Ансон. С ним и согласовывались тематика докладов, их число, тезисы докладов.

Основных докладчиков выставили организаторы Общества и съезда. Недавний

председатель новосибирской АХРР Иванов взял тему «Роль художника в современных условиях». Председатель «Новой Сибири» Воцакин, как ему и полагалось по штату, должен был наметить «Перспективы развития искусства в Сибири». Подосенов оказался способным на тему «Материальное и правовое положение художника». Из иногородних художников развернутый доклад поручался только художнику-педагогу из Иркутска И.Л. Копылову. Ему предстояло сделать «Обзор современного искусства в СССР». Официальных докладов наметилось два: «Советская власть и искусство», докладчик Ансон, и «Художественное образование в Сибири и его ближайшие перспективы». К нему готовился заведующий Крайпрофобром Мемнонов.

Художнические съезды всегда проходят на фоне соответствующих моменту выставок. Одно дополняет другое. Картины Все-сибирской выставки доставлялись в Новосибирск делегатами съезда как личный багаж, чтобы не платить лишнего за пересылку и не тревожиться потом за сохранность и своевременность получения их в Новосибирске. Развеска картин и расстановка скульптуры в краеведческом музее происходила ночью с 31 декабря 1926 года на 1 января 1927-го. Тянуть с открытием выставки нельзя, начать ее строить загодя невозможно из-за сложности подготовки музейного помещения. После окончания ночных работ 1 января в десять часов утра по выставке уже пошли экскурсии. С шести часов вечера на выставке играл квартет. 3 января началась работа съезда, продолжавшаяся до 6 января.

Точное число выставленных в краеведческом музее художественных произведений установить невозможно. По стационарному каталогу (есть еще каталог передвижного варианта выставки) их 597. Но в каталоге встречаются странности. В списке работ минусинского художника Г.Л. Лисовского рядом с названием одной из перечисленных в скобках стоит краткое «нет», возле другого

названия из того же списка в скобках стоит знак вопроса, что уместно было бы в черновике каталога, когда идет сверка заявленных и наличных произведений, в опубликованном виде вопросительный знак адресуется уже зрителю. Спешка тому виной. Были на выставке упомянутые в каталоге произведения или не были? В каталоге передвижного варианта выставки появляется целая группа художников Бурятии, в стационарном их нет, но они присутствовали в экспозиции краеведческого музея. Их похода упоминает Копылов в обзоре «О чем говорит выставка» (Советская Сибирь, 1927, 11 января).

Царицей выставки была живопись. Не столько числом относительно других видов искусства, сколько солидностью. Тематическая картина издавна была в центре внимания и художников, и зрителей. В критических статьях речь прежде всего шла о ней. На графику у рецензента, как правило, не оставалось пыла и жара, хотя по художественным достоинствам графика могла и не уступать живописи. Так, кстати, обстояло дело и на Всесибирской выставке.

Скульптура в Сибири корней еще не имела, в составе выставки она выглядела случайным экзотическим элементом. Кактус в букете полевых цветов. Города Сибири состояли из небольших групп каменных строений среди разливанного моря деревянных домов и домиков. Монументальную скульптуру в их среде не найдешь где поставить. В комнатах скульптуру тоже негде пристроить, разве что фарфоровую статуэтку на комод. Выставка знакомила зрителей только с двумя скульпторами от всей Сибири: С.Р. Надольским и А.Г. Гомулиным. В поездку выставки по другим городам Сибири взяли одного Надольского. Он там был один на шестьдесят пять живописцев и графиков.

Восточная и Западная Сибирь числом показанных работ равны. Но это было случайное равенство. Иркутяне привезли в Новосибирск двести двадцать шесть по-

лотен и графических листов, Омск представлен был только сорока работами В.И. Уфимцева. Делегаты съезда от Иркутска Н.А. Андреев, И.А. Копылов и Б.И. Лебединский привезли с собой живопись и графику учеников. Копылов и Лебединский вели, каждый свою, художественные студии. Студия Копылова заменяла Иркутску художественное училище. Он отобрал лучшее из ученических рисунков и живописи последних лет. В Омске же существовал единственный на всю Сибирь государственный художественно-промышленный техникум (Худпром) с пятью факультетами, со штатом преподавателей живописи, графики, станковой и книжной, прикладных искусств, архитектуры. Поскольку в группе Воцакина не было ни одного омича, связанного с Худпромом, – они появились среди организаторов только с приходом в «Новую Сибирь» новосибирской АХРР, – то и связи с ним не было. Только личная Б.В. Мирковича с далеким от Худпрома В.И. Уфимцевым. Омский Худпром уведомили о Всесибирской выставке слишком поздно, отсюда не успели послать в Новосибирск ни единой акварельки, хотя могли бы перекрыть иркутян числом, разнообразием видов искусства и, пожалуй, профессионализмом ученических произведений. Омский Худпром участвовал даже в Международной выставке художественно-декоративных искусств в Париже 1925 года. Мог бы поучаствовать и во Всесибирской.

Он и поучаствовал, когда Всесибирская стала передвижной и прибыла в Омск.

Профессиональная подготовка участников выставки имеет широкий диапазон. С одной стороны мы видим учеников студий, с другой стороны выпускников Московского Училища Живописи, Ваяния и Зодчества (МУЖВЗ), ставшего после революции ВХУТЕМАСом, и петербургских школ. МУЖВЗ окончила Надольская, ВХУТЕМАС дал образование Воцакину Лекаренко, Нагорской. Копылов учился в

Академии Жульена в Париже, но он своих работ не выставлял.

Новосибирцы на общем фоне выставки выглядели вполне достойно. Только они показали эскизы монументальной скульптуры: два варианта памятника В.И. Ленину работы Надольского, рельеф на постаменте одного из них. Только они представили архитектурные проекты, выполненные акварелью или гуашью подобно этодам с существующих объектов. Живопись, графика новосибирцев в числе лучших на выставке. Но кто такие новосибирцы и сколько их здесь? Городу всего-то набиралось тридцать лет. Ни одного местного уроженца среди художников Новосибирска пока еще нет. Все прибыли сюда из других мест каждый в свое время. Поэтому кажется правомерным причислить к новосибирцам тех, кто скоро здесь поселится, но в январе 1927 года живет еще в другом месте. Первым среди них упомянем графика А.Г. Заковряшина, после выставки переселившегося в наш город, во время выставки он еще житель Минусинска. Далее пойдут имена скульптора А.Г. Гомулина, живописцев И.И. Тютикова, А.П. Моисеенко. Без них участников Всесибирской выставки от Новосибирска насчитывается пятнадцать человек.

Бывшие члены АХРР по неизвестным причинам выступили ниже своих возможностей. Ни одной работы не дал Иванов, год назад показывавший плакаты, политсатиры на международные темы, портреты. Не появились среди авторов Дорогов, Захаров, Русинова, Якубовский. Об АХРР после ее самоликвидации уже речи нет. Приходится отмечать малый запас прочности группы Иванова и его самого, упустившей возможность творчеством подтвердить исповедуемые принципы и наряду с другими художниками города поучаствовать в небывалом в Сибири событии.

Самыми солидными картинами новосибирцев на выставке были: «Шаманство над больным ребенком» Воцакина и «С октя-

брин» Надольской, очень разные и благодаря разности показательные. Воцакин дал подчеркнута сибирский мотив. Его не спутаешь со среднеазиатским. Он не известен европейской части России. Надольская отозвалась на новизну быта. Октябринами в 1920-х годах называли то, что столетиями прежде называлось крестинами, отсюда и созвучие в терминах. Однако смысл их и процедура выполнения разошлись далеко. Крестили ребенка или взрослого в церкви, октябрины совершались в светских учреждениях, со временем получивших наименование ЗАГС. У Надольской столь важное для семьи событие к конкретному месту не привязано. Она показала идущих по пустынной равнине веселых родителей с ребенком и таких же веселых кума с кумой. Сибирская долина под ногами довольных жизнью людей или какая-либо иная – неизвестно. Картина до нас не дошла. Ее закупили с выставки, показали всей Сибири, после чего она исчезла. Судя по воспроизведениям ее в периодической печати, Надольской удалась занимающие центр композиции две женские фигуры. В целом же картина производит впечатление доморощенного произведения, в частности потому, что по недостатку обозначающих действие атрибутов ее можно назвать и «Возвращение с гулянки». Зная творчество Надольской, можно предположить в ее картине полную живую живопись, цветную и светлую.

Судя по всему, Воцакин подводил сюжет шаманства над больным ребенком к расхожей тогдашней формуле: «Шаман не лечит, а калечит» и не смог этого сделать. Его давняя глубокая заинтересованность Хакасией оказалась сильнее отрицающей традиционный быт публицистики. Художник основывался на наблюдении, не на умозрении. Шаман в его картине не злодей, не изувер. Он не кружится в экстазе, звеня металлическими подвесками. Он неподвижно сидит возле костра в окружении сородичей. У него строгое красивое лицо. Если за-

менить в руках шамана бубен на струнный музыкальный инструмент, возникнет образ сказителя, самопогруженно поющего о преданиях старины глубокой. Известно, что Воцакин написал и другой вариант картины на шорском, не на хакасском материале. Было бы полезно их сравнить и выяснить всегда ли общественное мнение, утвердившееся на отрицании религиозных обрядов всех видов верований, подчиняло себе живописца, сбивая его с многомерной трактовки образа на агитационную плоскостность. Котов не устоял. Воцакин устоял, но покачнулся.

Меньше всего раздумий и сомнений испытывали художники, изначально нацеленные на сотворение сюжета, не образа. На их долю и успех выпал самый громкий. Таков Тютиков. Его картины «Партизаны» и «Ленпалатка» написаны деревянной рукой, но в них нет противоречий. Позиция автора в них заявлена отчетливо. Партизаны у Тютикова – племя дикарей, зато уж точно, они разорвут на клочки тех, кого высматривают впереди себя.

Нагорская картин не писала уже давно, вполне удовлетворяясь художественными возможностями станковой графики. Особенно удавались ей портреты. Реже пейзажи. Еще реже экслибрисы. Отвлеченное мышление, символика, эмблематичность ей не свойственны. В этом качестве они с Воцакиным едины. Время от времени она показывала высокую культуру гравюры, не утраченную за время разрыва с Фаворским и тогда друзья-товарищи смотрели на нее любовно-уважительно. Сибирская критика проходила мимо небольших листочков черно-белой графики Нагорской. Она прошла бы и мимо Фаворского, потому что строилась на прямую агитационность искусства. Тонкости, деликатности, глубину искусства ей, пытающейся говорить грубым голосом рабочего кузнечного цеха («Мы кузнецы и дух наш молод...»), понимать даже и не к лицу. Не случайно и среди художников, большей частью среди правоверных

членов АХРР, проявлялось презрительное отношение к «эстетизму». Может быть, под влиянием простецких толкований социально значимого в искусстве и сама художница не слишком трепетно относилась к созданным ею произведениям.

Нагорскую дополнял график Липин, склонный к повествовательным бытовым сюжетам. Он жил и работал в Нахаловке, то есть в районе самовольной застройки вдоль крутого берега Оби на протяжении от железнодорожного моста до речки Ельцовки. Есть некоторое сходство между тем, как относился Воцакин к укладу жизни Хакасии и как Липин к будням, драмам, лирике Нахаловки, с той, впрочем, разницей, что Липин мелкие картинки мелкого быта городской окраины мог не возводить в степень многомерных художественных произведений. Признаков строительства новой жизни в Нахаловке Липин не искал. Когда ему надо было показать революционные преобразования, он шел к Дому Ленина, туда, где по праздникам строилась трибуна, мимо которой шли демонстрации. Он работал увлеченно. Гравюр печатал много. Совокупностью сюжетов и образов гравюры Липина давали ту самую многомерность темы, на которую художник как будто не нацеливался.

За время работы выставки в Новосибирске ее посетило более десяти тысяч человек. Число всех жителей города составляло примерно сто тысяч. Каждый десятый новосибирец побывал на выставке. Три небольших зала краеведческого музея каждый день заполнялись до предела. Как вспоминал впоследствии участник выставки Лебединский, «Яблоку негде было упасть». «Во время выставки художники получили несколько предложений от посещавших выставку иностранцев продать свои картины, но, имея в виду, что наиболее ценные экспонаты выставки намеревались купить местные советские общественные организации и учреждения, – художники от этих предложений отказались» [8].

Первый съезд художников Сибири длился четыре дня. В день делался один-два доклада, доклад оживленно обсуждался, после обсуждения по каждому докладу составлялась резолюция. В работе съезда кроме Ансона участвовали Т.И. Черемных от Общества по изучению производительных сил Сибири, заведующий Крайпрофобра Мемнонов, председатель Крайсовнацменьшинств Сибири З.С. Гайсин и конечно же писатели: В.А. Итин от Союза сибирских писателей, В.Я. Зазубрин от журнала «Сибирские огни» и Сибкрайиздата. Зазубрина художники тут же возвели в звание почетного члена съезда.

В торжественной части съезда, когда произносились приветствия присутствовавших на съезде представителей общественных организаций и делегатов от других городов Сибири, зачитывались телеграммы, посылавшиеся А.В. Луначарскому, члену-учредителю «Новой Сибири» В.Н. Гуляеву, переселившемуся в Ташкент, Г.И. Гуркину, секретарю Московской АХРР Н.Г. Котову и другим уважаемым людям, уже выявились основные темы, проработанные несколько позже в докладах и в прениях по докладам. Воцакин первый грядущую пору искусства в Сибири обозначил как эпоху Возрождения. Он не был наивным человеком. Он был человек, верящий в светлое будущее. Без этой веры, перекрывшей реалии двадцатого века, ни съезд, ни выставка, ни индустриализация Сибири, проходившая в неизменно трудных условиях, невозможны.

На съезде сразу зазвучали две основные темы искусства того времени: революционность как содержание и форма художественных произведений и сибирский колорит в творчестве сибиряков. Итин высказал крамольную для 1920-х годов мысль: «Классовое сознание и классовое происхождение не дают еще патента на революционное содержание /.../ революция в искусстве не явится сама собой с приходом к власти новых классов, революцию надо делать...» [9]. Следуя

за Итиным, приходишь к выводу: П.Гоген, А.Матисс – революционеры, бытописатели революции – нет; пролетариат – не светоч нового искусства.

Съезд открывал Ансон, он же докладом «Советская власть и искусство» начал его рабочую часть. Осторожный Ансон, сказав, что «У партии нет постановлений (о задачах изобразительного искусства. – П.М.), нет и у Соввласти специальных декретов, о направлении в изобразительном искусстве», о предпочтениях в художественном творчестве все-таки высказался: «Вспоминая последнюю выставку АХРРа, думаю, что если нет у них художественных достижений, мастерства, то есть понятный подход к массе» [10]. Находчивый Воцакин, когда пришла его очередь говорить вслух, пассаж об АХРР опустил, равное отношение советской власти к разным художественным группировкам подчеркнул, вставив этот тезис в резолюцию по докладу.

Не менее находчивый Иванов, услышав доброе слово в адрес АХРР, в своем докладе «Искусство, художник и революция» (заявленная тема формулировалась иначе: «Роль художника в современных условиях») начал утверждать: «...единственно «понятным» для масс направлением является реализм и что единственной организацией, отражающей чаяния пролетариата, является АХРР» [11]. Раскаялся в совершении самоликвидации новосибирской АХРР?. На другой день съезда Иванов, бросивший в докладе лозунг «форма – это только кухня для работы», заявил совершенно противоположное: «Напрасно только отрицать влияние Запада. Увлекаться «Парижем» не вредно, форма тоже важна нам» [12]. Крутой поворот он совершил не без влияния обсуждения его доклада. Против тезисов Иванова выступило более десяти человек, в том числе Зазубрин, отчетливо и неоднократно выразивший на съезде неприятие теории и практики АХРР. Возмущение легкостью суждений Иванова привело к тому, что его

доклад, единственный из прозвучавших на съезде, не был помещен в опубликованную «Сибирскими огнями» стенограмму съезда. Мы знаем о нем по краткому изложению и по ответным репликам делегатов съезда.

Совершенно иное отношение Зазубрина к выступлению Копылова «Обзор современного искусства в СССР». Этого доклада тоже нет в стенограмме съезда. Доклад напечатан в журнале раньше стенограммы (Сибирские огни, 1927, № 1), да еще дополнительно выпущен Сибкрайиздатом в виде отдельной брошюры «На перевале».

Копылов неожиданно для всех свернул с обзора современного искусства в СССР в сторону близких ему проблем. Ему не терпелось развернуть картину скорого расцвета искусства в Сибири, перед которым померкнут Венеции, Мюнхены, Парижи. Если бы Гоген жил в Сибири, ему, по словам Копылова, не надо было бы ездить на Таити, он все имел бы под рукой. Золотые россыпи нетронутого цивилизацией разнообразнейшего искусства Сибири ждут сибирских гениев. Признаки названных россыпей Копылов видел в картинах алтайца Чевалкова, бурятских самоучек Эрденийна, Дадуева, Мердыгеева, Хангалова, Сампилуна, выявленных и доставленных в Новосибирск самим Копыловым.

Эмоциональное выступление Копылова полемики не вызвало, хотя его система доказательства пришествия в мир через Сибирь эпохи Возрождения просто напрашивается на возражения и уточнения. Как раз наоборот. «Доклад Копылова построен прекрасно», — отозвался Зазубрин. «В общем доклад построен мастерски, даже почти марксистски», — подтвердил Итин. Пафос доклада, развернувшего перспективу великого будущего искусства Сибири с ее самобытным художественным творчеством, сообщился всем делегатам съезда. Возражать ему значило бы возражать против собственных надежд. Однако обсуждение доклада сдвинуло точку зрения на основу самобытности искусства Сибири.

О наследии прошлого в культуре сибиряков говорилось сдержанно, гораздо больше о новом культурном строительстве. Оно у сибиряков и у художников европейской части СССР едино. Стало быть, местное своеобразие обеспечивается тем же, чем и своеобразие отечественной культуры в целом: высоким уровнем творческого развития и чуткостью художника к окружающим его явлениям жизни.

Против такой постановки вопроса Копылов не возражал. В докладе его «занесло». Он понимал не хуже других, что Гоген стал художником не на Таити, а в Париже, в среде выдающихся художников Франции, что Сибирь без хорошей художественной школы, без музеев, без традиции профессионального искусства не вырастит гениев. Своих лучших учеников он неизменно отправлял доучиваться в Ленинград, в Академию художеств. Никто из них, получив высшее художественное образование, в Сибирь не вернулся.

Весомо разумно прозвучал на съезде доклад Воцакина. Он рассмотрел ситуацию в художественном мире Сибири как она сложилась ко времени съезда и предложил на будущее, — а оно начиналось прямо на съезде, — системный плановый подход к разрешению вопросов деятельности Общества. Съезд принял его позицию, веря в реальную возможность ее осуществления.

Разрешать надо было многое, в первую очередь вопрос взаимоотношения художников и госучреждений, от которых зависела материальная сторона деятельности «Новой Сибири». Надо налаживать художественное образование в Сибири, начиная с постановки рисования в общеобразовательных школах, кончая специальными художественными учебными заведениями, средними и высшими. Надо создавать художественные музеи. На то время в Сибири не было ни одного. Надо регулярно устраивать Всесибирские выставки и показывать их во всех крупных городах края. Надо иметь специализированную периодическую печать. Много чего было

надо, что можно и нужно было нацеленно и системно исподволь осуществлять в Сибири.

На съезде же были сделаны первые шаги выполнения планов. Ансон от имени СибОНО пообещал средства на передвижение выставки по городам Сибири. Он поддержал идею создания художественного музея в Новосибирске, основой которого должна стать закупка лучших произведений Всесибирской выставки. Делегаты съезда настояли на возвращении Гуркину конфискованной у него, пока он был в Монголии, усадьбы с домом и мастерской. Выходит, съезд – большая сила, многое может.

Оговоренный во всех официальных инстанциях и обозначенный на афишах срок работы Всесибирской выставки в краеведческом музее заканчивался 15 января. Сотрудникам музея пора выходить из отпуска. Однако поток зрителей не иссякал. СибОНО сразу после съезда разослал по учреждениям города письма с вопросом о нужности (или ненужности) городу художественного музея. Ответы пришли положительные, подкрепленные обещанием участвовать в покупке художественных произведений. Сформировалась закупочная комиссия. Удобнее всего выбирать лучшее и оценивать относительную стоимость каждой вещи, имея их все перед глазами. Пока не закончилась работа закупочной комиссии и не определился передвижной вариант выставки, не следовало разбирать экспозицию. Выставка продлилась на четыре дня. Ради столь исключительного события – создания начальной коллекции художественного музея Новосибирска – не жаль и недели простоя всего коллектива краеведов.

Первыми вложили деньги в закупку журналисты газет «Советская Сибирь» и «Сельская правда». Они купили за 500 рублей, за самую большую сумму оценки одного произведения на выставке, картину Тютикова «Партизаны». «Ленпалатка» куплена отдельно за 200 рублей. Сибкрайиздат купил «Шаманство над больным ребенком», «Поминки», «Карлыган» Воцакина за

350 рублей, работы Ивакина, красноярца Каратанова, томича Мизерова, стремясь оставить за собой цикл работ, отражающих Сибирь. В закупку включились Сибкрайисполком, СибОНО и другие государственные и общественные учреждения. По первоначальному плану предполагалось закупленные той или иной организацией вещи у покупателей же и оставлять. Такое намерение продержалось недолго. Возобладала идея неделимой коллекции художественного музея. Почти все закупленное осталось на временном хранении в краеведческом музее с надеждой на скорое выделение художественного музея в отдельную самостоятельную структуру. Всего было закуплено более пятидесяти произведений тридцати одного автора на сумму 4085 рублей – редкий, единственный случай не только в Сибири 1920-х годов. Тут и скептик среди художников воодушевится.

Сгоряча правление «Новой Сибири», а в него теперь после съезда входили представители всех сибирских городов, запланировало провести вторую Всесибирскую выставку осенью 1927 года. Опрометчивость планов стала очевидной не сразу. Графики за восемь месяцев могли приготовить серии гравюр и рисунков подстать показанным на Всесибирской выставке, но с новыми мотивами. Легко и многообразно работали неутомимые Заковряшин, Ивакин, Липин. Они сотрудничали с редакциями газет и журналов, с издательствами Сибири. Выполняемое по заданию могло пойти и на выставку. У них и сверх заданий накапливались десятки гравюр и рисунков в разных техниках. Есть из чего выбирать на выставку. Иной темп работы у живописцев, в частности у тех, кто по необходимости медленно, через эскизы, этюды, проработку холста выращивал сюжетно-тематическую картину. Чтобы она не получилась полупонятной скороспелкой или того хуже – понятной с полвзгляда агиткой, на нее нужно время. Может быть, еще длительнее создается скульптура, если

она не этюд, переведенный в гипс, а выполненный в дереве, в камне, в металле художественный образ. Как показывает история до-революционных художественных обществ, периодичность больших общих выставок устанавливается не чаще одной в год.

Передвижной вариант выставки правление «Новой Сибири» подготовило к последним дням января. В первых числах февраля сопровождавший ее Воцакин повез выставку в Омск. Дальнейший маршрут проходил через Томск, Красноярск в Иркутск, где в начале мая выставка закрылась, отмеченная новыми приобретениями с нее в художественный отдел иркутского краеведческого музея.

До отъезда из Новосибирска с выставкой Воцакин успел поучаствовать в закупочной комиссии, в подготовке ряда организационных мероприятий. Он еще год назад начал искать удобный случай, чтобы создать нечто похожее на художественно-производственный комбинат. Для него надо заполучить помещение, где бы члены «Новой Сибири» могли принимать заказы на все виды художественных работ и там же их выполнять. Индивидуальных творческих мастерских в Новосибирске не было до 1948 года. В составе производственного бюро – так называли общую для всех мастерскую – намечалась декоративная мастерская, ориентированная на оформление спектаклей в рабочих клубах и вообще на любой сцене, литографская, пригодная для выполнения всех видов графических работ, скульптурная, фотомонтажа, начавшего выходить на первый план репортерской работы, увеличения портретов. С помощью производственного бюро художники надеялись отойти от утомительной и часто унижительной беготни по городу в поисках заработка. Чтобы производственное бюро пользовалось авторитетом, в нем создали художественный Совет в составе Нагорской, Надольского, Пакшина, Поляшова и

архитектора Бурлакова. Первое помещение для бюро нашлось на Красном проспекте. Недолгое время спустя оно переместилось к Сибгосопере (сейчас театр «Красный факел»). Через дорогу от нее находился городской каток. При катке существовала раздевалка. Эту раздевалку и заняли художники.

Путешествуя с выставкой, Воцакин писал правлению длинные письма, полурепортажи, полурепортажи. Правление и без него правило как надо, выполняя совместно намеченное. Конец июня, весь июль и август Нагорская и Воцакин провели на Алтае. Нагорская занималась этнографическими сборами у старообрядцев, Воцакин пытался увидеть особенности Алтая, отличающие его от Саян, от Хакасии. Много позже вспоминая о том времени, Нагорская говорила: «Казалось, что впереди еще неразмотанная катушка лет, что мы еще зарисуем и изучим всю Сибирь»...

Литература

1. Члены Новосибирского филиала АХРР на начало 1926 года: А.М. Иванов, Н.Г. Дорогов, П.И. Захаров, А.М. Овчинников, А.И. Русинов, Т.А. Русинова, Я.Сафонов, А.Д. Силитч, А.Н. Фокин, П.Г. Якубовский.
2. Первый сибирский съезд художников. – Сибирские огни, 1927, № 3, с. 214.
3. Там же.
4. Там же.
5. Декларация АХРР многократно печаталась в каталогах выставок Ассоциации, например, в каталоге 1-й выставки Томского филиала АХРР. 1927 год.
6. Дата регистрации Устава и декларации «Новой Сибири» обозначена в членских билетах Общества.
7. АХРРовец. Художники и их объединения. – Красное Знамя, 1926, 5 декабря.
8. После выставки. – Советская Сибирь, 1927, 19 января.
9. Первый сибирский съезд художников. – Сибирские огни, 1927, № 3, с. 206.
10. Там же, с. 209.
11. Там же, с. 212.
12. Там же, с. 215.